

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР, М., 1973, 330 стр.

Конец 50-х и начало 60-х годов — знаменательный рубеж в истории совместной борьбы советских народов за победу социализма и коммунизма в нашей стране: в начале 1959 г. XXI съездом КПСС было признано, что в Советском Союзе социализм одержал полную и окончательную победу и страна вступает в период развернутого строительства коммунизма.

В такие важные переломные моменты в истории любого общества повседневная практика всегда вызывала потребность научного анализа основных направлений, тенденций социального развития.

Социологические исследования актуальных проблем современности, осуществляемые на основе марксистско-ленинской методологии, имеют особое значение в период, когда создаются необходимые предпосылки для перехода к новой, высшей фазе в развитии нашего общества — коммунизму.

За годы строительства социализма и коммунизма в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ, представляющая собой сложнейшую структуру, которая базируется на общественной собственности на орудия и средства производства, на единстве экономической, социально-политической и культурной жизни, на марксистско-ленинской идеологии.

Едва ли будет преувеличением сказать, что в этом феномене истории аккумулированы все те важнейшие характерные черты, которые коренным образом отличают социалистические общественные отношения от капиталистических. Поэтому очень важно установить и на конкретном материале показать роль и значимость тех социально-экономических, политических и культурных факторов, которые выступали в качестве детерминирующих условий в межнациональных отношениях народов СССР в период их совместной борьбы за социализм и коммунизм.

Весьма актуально проецировать выводы этих исследований на будущее, прогнозировать основные направления развития определенных процессов в сфере национальных взаимоотношений.

Среди изданных за последние годы научных трудов, посвященных исследованию национальных процессов в нашей стране, рецензируемая монография коллектива ученых Сектора конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР занимает особое место. Это первая книга по этнической социологии, многие проблемы этой отрасли науки в ней ставятся впервые.

Материал для исследования собран только в одной республике — Татарской АССР; однако эта работа — далеко не локальное исследование.

В рецензируемой книге на примере взаимоотношений русских и татар анализируются пути социальной и национальной консолидации народов, еще недавно духовно и социально отчужденных и противопоставленных друг другу.

В исследовании применяется методика трех родственных общественных наук: истории, этнографии и социологии. Это позволило ярко и убедительно показать, как в результате практического решения в стране национального вопроса, под влиянием осуществленных за годы Советской власти прогрессивных перемен в политических и идеологических основах общественной жизни народов СССР преобразовались их социально-экономические взаимоотношения. В книге устанавливаются определенные устойчивые зависимости между изменениями в социальной структуре народов, их языком и культурой, с одной стороны, и национальными интересами, личностными установками советских людей в межнациональных отношениях — с другой.

Господствующие в обществе производственные отношения определяют развитие национальной культуры, бытовых традиций, социальной психологии любого народа, нераз-

рывно связанные с существующей в нем социально-классовой структурой, и выступают в качестве социально характеризующих факторов. Поэтому естественно, что в первой главе монографии рассматривается социально-этническая структура городского и сельского населения Татарской АССР. Здесь убедительно показано, что «социальная эволюция населения Татарии в советский период шла по руслу ликвидации диспропорций, наславившихся на протяжении веков,— процесс, характерный для страны в целом» (стр. 22). Эти диспропорции порождены многими обстоятельствами, в числе которых не последнее место занимала целенаправленная дискриминационная политика царского правительства в отношении нерусских народов Российской империи.

В результате экономической отсталости бывшей Казанской губернии почти все население ее проживало в сельской местности (91,5% — в 1897 г. и 89,2% — в 1926 г.), оставаясь всецело во власти «деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости»¹. Крайне низкой была грамотность жителей этой губернии, особенно татар. В книге приводится такой красноречивый пример: «... из каждых 100 тыс. русских (в число которых тогдашняя статистика включала великороссов, малороссов и белорусов) 120 человек имели образование выше начального, а среди говоривших на турецко-татарских языках с таким образованием было лишь 3 человека» (стр. 15).

Авторы совершенно справедливо подчеркивают, что в царской России русские и татары, живя «под общим небом», находились по существу на разных уровнях социально-го развития (стр. 15).

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, благодаря ленинской национальной политике Коммунистической партии и Советского государства, в ходе индустриализации и коллективизации Татарской АССР началось невиданно быстрое сближение социальных основ хозяйственно-экономической жизни русских и татар, формирование однотипной социальной структуры этносов.

В советские годы в Татарии, как и во всей стране, происходила ускоренная урбанизация, вызванная преимущественным ростом индустриальных отраслей производства. Это вело к росту численности городского населения за счет сокращения сельского. В Татарской АССР за период с 1926 по 1968 г. появилось 20 новых городов и поселков городского типа. При этом показатели урбанизации и социальной мобильности коренного населения постепенно превосходили аналогичные показатели у русского населения. Авторы монографии справедливо оценивают это как одно из проявлений процесса социального «выравнивания» и сближения уровней социально-культурного развития наций.

Естественно, что урбанизация и вовлечение населения в индустриальные виды труда привели к значительным изменениям в его профессиональном составе и к росту культурно-технического уровня. Вместе с тем, хотя и гораздо более медленными темпами, развивалась культура населения, занятого в сельском хозяйстве.

Меняя занятия, профессию, формы социальной организации труда, использования досуга, способы удовлетворения материальных и культурных потребностей, люди приобщались к современным интернациональным формам культуры, приобретали новый социально-психологический облик, меняли свой образ жизни.

Интенсивное выравнивание уровня культурного развития этносов отражено в приведенной в книге таблице «Распределение лиц различных национальностей по социально-профессиональным группам» (стр. 25). Анализ приведенных в ней данных позволил авторам сделать важный вывод о том, что «на современном этапе развития нашего общества при постоянном росте доли татар в городах они пропорционально с русскими представлены в различных социально-профессиональных группах» (стр. 26). Равноправное положение татар и русских в системе общественных отношений подтверждается и многими другими материалами книги.

В монографии нашли отражение все наиболее значительные моменты социально-культурного развития русских и татар в республике, даны конкретные показатели филиации ценностных установок между этими этносами, раскрыты также различия в сфере социально-культурной жизни, в организации быта и т. д. у русских и татар. Так, сравнительный анализ данных об образовании, наличии собственной библиотеки, чтении художественной литературы, газет, посещения театров, размере семьи, ее материальной обеспеченности и т. д. показал, что влияние национальности на эти социальные и демографические характеристики незначительно. «Это означает,— говорится в книге,— что основные стороны жизни татар и русских ни в чем существенно не различаются...» (стр. 32). Однако это не та нивелировка национальных культур, о которой без устали твердят буржуазные пропагандисты, а выравнивание уровня культурного развития советских наций в условиях всесторонней взаимной помощи и сотрудничества между ними.

Известно, что фундаментом культурного прогресса является общеобразовательный уровень населения. В рецензируемой книге приведены данные, показывающие громадные успехи в развитии образования среди татар.

Для дальнейшего подъема социально-культурного уровня коренного населения Татарской АССР особенно важно отсутствие существенных различий в образовательном уровне и профессиональной структуре русских и татар, живущих в сельской местности, и в первую очередь крестьян. Это важно потому, что «доминанта проблемы социально-профессионального роста нации во многом уходит в село» (стр. 76), ибо 60% ко-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 74.

ренного населения ТАССР состоит из колхозников и рабочих совхозов (среди русской части населения республики их доля в два раза меньше — стр. 55).

Во второй главе показываются тенденции социально-культурного развития населения Татарской АССР — горожан и жителей сельской местности. Здесь анализируется состояние потребления культурных ценностей, выявляются факторы, обуславливающие потребление культурных ценностей в городах с неоднородным национальным составом, в русских и татарских селах. Этот вопрос решается с учетом как этнодемографических показателей (пол, возраст, национальность), так и социальных характеристик (образование и принадлежность к определенной социально-профессиональной группе).

Исследование показало, что культурные запросы людей, выбор ими того или иного информационного канала для удовлетворения этих запросов в значительной мере определяются социально-профессиональной принадлежностью, конкретной социальной ролью того или иного человека, а не только и даже не столько уровнем общего образования. Этот вывод имеет определенное практическое значение как для руководства деятельностью средств массовой коммуникации, так и для организации культурно-воспитательной работы среди трудящихся вообще.

На основании анализа полученных материалов авторы монографии пришли также к заключению, что различия в потреблении культурных ценностей «у русских и татар определяются главным образом не национальной спецификой, а социальными характеристиками: уровнем образования, принадлежностью к социально-профессиональной группе, отчасти возрастом, а также типом поселения» (стр. 104). В целом поддерживая это заключение, хотелось бы все-таки подчеркнуть, что приведенные в монографии данные красноречиво свидетельствуют и о том, что уровень образования, общая культура, а следовательно, и социально-профессиональная структура коренного населения республики все еще продолжают испытывать заметное влияние факторов, складывавшихся на протяжении веков именно в связи с этнической принадлежностью, национальной спецификой. Это обстоятельство следует обязательно учитывать при решении всех вопросов социально-культурного строительства в национальных регионах и в будущем. В этом особенно убеждают материалы параграфа «Культура сельского населения».

Брачно-семейные отношения — это область чрезвычайно своеобразных форм общественных отношений. В аспекте межнациональных контактов они изучены еще недостаточно. В третьей главе излагаются результаты исследования семейной структуры населения Татарской АССР, которые проводились в следующих направлениях: 1) изучение демографических, социально-экономических и бытовых характеристик семьи; 2) изучение влияния социально-культурных процессов на семейную структуру; 3) анализ взаимодействия внутрисемейных характеристик и национальных особенностей; 4) изучение влияния семейных отношений на развитие личности.

Семейно-бытовая сфера является, пожалуй, наиболее консервативной частью общественных отношений; особенно трудно устраняются противоречия между старым семейно-бытовым укладом и новыми социально-экономическими и политическими основами жизни. Поэтому большой интерес представляет приведенный в книге анализ изменений семейно-бытовых отношений на селе.

Индустриализация, коллективизация и вызванные ими радикальные изменения социальной структуры сельского населения, урбанизация, быстрый рост образовательного и общекультурного уровня тружеников села неузнаваемо изменили весь уклад, быт и психологию сельского населения. Огромную роль в прогрессе семейно-бытовых отношений сыграло изменение положения женщины, ее материальная и моральная независимость от мужчин в семье. Эти благоприятные перемены отразились и на создании семьи. В монографии проблемы создания семьи рассматриваются по следующим направлениям: время вступления в брак, принадлежность супругов к определенным социально-профессиональным и этническим группам, детность и др. Исследованием совершенно четко зафиксирована прямая зависимость роста межэтнических родственных связей от формирования общей интернациональной основы культуры народов СССР, облегчающей взаимопонимание и сближение представителей различных наций и национальностей.

В книге на обширном и добротном конкретном материале показаны особенности повседневной жизни русских и татарских семей и всесторонняя интернационализация быта сельского населения. Сделанные в ходе исследования этих проблем обобщения имеют не только большое научное и познавательное значение; они, по-видимому, будут широко использованы в практике местных партийных, советских органов и общественных организаций.

К сожалению, авторы в основном освещают происшедшие за годы Советской власти прогрессивные перемены в межнациональных отношениях и почти не уделяют внимания отрицательным явлениям в этой области, выяснению причин их существования. Этот недостаток особенно остро ощущается при рассмотрении семейно-бытовых проблем.

Четвертая глава монографии посвящена чрезвычайно актуальной проблеме этнолингвистических контактов и двуязычия. Общеизвестно, что особенностью этнолингвистических процессов в советском обществе является сочетание всемерного развития национальных языков со все расширяющимся использованием русского языка в качестве средства межнационального общения в самых различных сферах деятельности.

Авторы рецензируемой книги предприняли попытку, не углубляясь в сущность коммуникативных функций русского и татарского языков, изучить широту распространения двуязычия, степень владения вторым языком различными группами населения, выявить

сферы наиболее интенсивного применения языков и социально-этнические последствия двуязычия. Проблема социально-этнических последствий двуязычия на массовом конкретном материале исследуется впервые.

Во время Всесоюзной переписи населения 1970 г. 54,7% жителей коренной национальности Татарской АССР указали, что они свободно владеют русским языком (в том числе 81,2% татар, проживающих в городах ТАССР, 38% — в сельской местности)². Такое широкое распространение двуязычия — поистине выдающееся достижение в культурном прогрессе татарского народа. В монографии правильно подчеркивается, что самый прямой путь к овладению русским языком — это систематическое изучение его в школе.

Широко известно, что сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции всем народам бывшей царской России было предоставлено право свободно выбирать язык обучения детей в школах. Однако растущая роль русского языка в качестве средства межнационального общения народов СССР и средства приобщения их к сокровищам мировой культуры привели к увеличению числа лиц нерусской национальности, желающих отдать своих детей в школы с русским языком обучения (см. табл. 1 на стр. 239). Но уроки русского языка в национальной школе — не единственный способ вооружения подрастающего поколения знанием языка межнационального общения; организуется также преподавание отдельных предметов на русском языке. Этой же цели служит создание искусственной языковой среды путем широкого применения технических средств. Нам кажется, что автор четвертой главы (М. Н. Губогло) несколько недооценивает не только эти возможности, но и такие важнейшие факторы развития этнолингвистических процессов, как этническая микросреда, производственное общение разноязычных народов и т. д. В книге говорится: «В группе сельских татар, владеющих русским языком, лучше чем татарским, 30% получили образование в русской школе и 66% в татарской» (разрядка наша. — Г. С.) (стр. 235). Думается, что комментарии к этим цифрам излишни, и следует сказать, что в настоящее время партийные и советские органы, а также органы народного образования республики основное внимание обращают не на перевод национальных школ на русский язык обучения, а на улучшение преподавания в них русского языка и русской литературы, обеспечение преподавания отдельных предметов в старших классах на русском языке и т. д.

Большой интерес вызывает пятая глава, в которой рассматриваются психологические аспекты национальных отношений. Национальные отношения проявляются в национальных ориентациях, установках, мнениях и поведении людей. Автор (Л. М. Дробижева) с помощью четко разработанного инструментария исследовала систему личностных и социальных установок, детерминирующих национальную ориентацию людей. На основе анализа национальных установок сделан неоспоримый вывод: в личностных взаимоотношениях представителей различных наций и национальностей СССР доминируют благоприятные дружеские установки — это результат ленинской национальной политики партии и Советского государства. Большую практическую ценность имеет параграф «Некоторые средства пропаганды интернационализма». Целесообразно было бы расширить его.

В книге «Социальное и национальное» по существу положено начало научной разработке многих важнейших проблем социально-этнической структуры нашего общества.

В постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» говорится о необходимости разработки проблемы социальной структуры общества, совершенствования социалистических общественных отношений, их перерастания в коммунистические и обобщения опыта КПСС по укреплению дружбы народов СССР³. Рецензируемая книга вносит свой вклад в решение этой задачи. Достоинство монографии в разработке методологических программ и методики эмпирических социологических исследований.

Особо следует отметить научное освещение в монографии многих важнейших сторон истории социалистических преобразований в Советской Татарии. Содержащиеся в книге конкретные социологические материалы и глубокие теоретические обобщения, несомненно, будут широко использованы местными учеными в их дальнейшей работе. Монография поможет работникам партийных и советских органов республики в практической реализации в Татарской АССР положений Программы КПСС и решений XXIV съезда партии в области социально-культурного строительства и идейно-политического воспитания народных масс.

Вместе с тем хотелось бы указать и на отдельные недостатки рецензируемой монографии. Главный из них, на наш взгляд, тот, что в ряде случаев авторы не уделяют достаточного внимания тем трудностям, которые замедляют развитие новых тенденций в межнациональных отношениях. Эта погрешность особенно ощутимо проявляется в главах «Семья и быт» и «Этнолингвистические контакты и двуязычие».

Думается, что книга выиграла бы, если бы в ней нашли более широкое отражение работы ученых республики.

² «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV — «Национальный состав населения СССР», М., 1973, стр. 144.

³ См. «Вопросы идеологической работы КПСС. Сборник документов (1965—1973 гг.)», М., 1973, стр. 427—441.

Как следует из введения, авторы собирали конкретный материал в 1967 г. Но в книге нередко приводятся данные переписи населения 1959 и 1970 гг. и другие статистические материалы, относящиеся к более раннему или более позднему времени. Однако большая часть таблиц не датирована, что порой снижает научную ценность богатейшего цифрового материала монографии (см., например, табл. 12 на стр. 108, 14 на стр. 109 и др.).

И, наконец, нельзя не отметить недоработки редакционного характера: немало случаев, когда одна и та же мысль повторяется в разных вариантах или в том же виде, или об известных истинах говорится, что они выявлены «в ходе исследования» (см. стр. 89—91, 75, 108, 116, 133 и др.). Однако, несмотря на указанные недостатки, рецензируемая книга заслуживает самой высокой оценки.

Г. С. Сабирзянов

НАРОДЫ СССР

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ

В. К. Бондарчик, *Гісторыя беларускай этнографіі XIX ст.*, Мінск, 1964, 282 стр.; его же, *Гісторыя беларускай этнографіі, Пачаток XX ст.*, Мінск, 1970, 123 стр.; его же, *Гісторыя беларускай савецкай этнографіі*, Мінск, 1972, 166 стр.

Исследование истории этнографии восточнославянских народов в последние десятилетия заметно активизировалось. Значительные успехи достигнуты в изучении истории русской этнографии дореволюционного времени¹. Освещены отдельные периоды истории украинской этнографии². Большая работа проделана также по изучению истории белорусской этнографии.

Рецензируемые монографии В. К. Бондарчика освещают историю белорусской этнографии как дореволюционного, так и советского времени.

В первой монографии «История белорусской этнографии XIX в.» автором удачно выделены два основных периода развития белорусской этнографии дореволюционного времени, соответствующие феодальной и капиталистической эпохам. Первый период подразделяется автором на два этапа: а) первоначальное накопление этнографических знаний о Белоруссии (до конца XVIII в.), б) формирование и становление белорусской этнографии как науки (нач. XIX в.— 1861 г.).

В истории этнографии эпохи капитализма автор выделяет три этапа, соответствующие трем волнам подъема общественной мысли (60—70-е годы, 80—90-е годы, начало XX в.).

Разработанная В. К. Бондарчиком периодизация увязана с социально-экономическим и общественно-политическим развитием Белоруссии и России, историей русской этнографии XIX в. Однако разные этапы изучены автором неодинаково. Первые два этапа охарактеризованы не так полно, как три последующие, что, вероятно, в некоторой мере объясняется неодинаковой степенью развития самой этнографии в эти эпохи.

Одно из достоинств работы в том, что в ней весьма обстоятельно освещены русско-белорусские этнографические связи в XIX в., показана роль Русского географического общества в развитии этнографических исследований на территории Белоруссии и в становлении белорусской этнографии, отмечено положительное влияние на нее прогрессивных школ русской этнографии (революционно-демократического и эволюционного направлений).

Заслуживает одобрения широкое привлечение автором работ не только белорусских, русских, украинских, но и польских этнографов. Показывая прогрессивное значение исследований о Белоруссии написанных с демократических позиций (В. Сырокомля, Ян Чечот и др.). В. К. Бондарчик подвергает серьезной научной критике работы польских этнографов, написанные с националистических позиций (А. Рыпинский и др.). В книге исследована не только история белорусской этнографии, но в значительной степени и история белорусской фольклористики XIX в.

В. К. Бондарчик детально характеризует демократические тенденции в белорусской этнографии 80—90-х годов, наиболее полно проявившиеся в деятельности Н. Я. Никифоровского и Е. Р. Романова. Автор обращает внимание также на то обстоятельство, что ряд белорусских этнографов того времени, например, М. В. Довнар-Запольский, А. Е. Богданович применяли в своих исследованиях историко-сравнительный метод. К сожалению, характеристика прогрессивных черт этого метода и его недостатков в то

¹ С. А. Токарев, *История русской этнографии (дооктябрьский период)*, М., 1966.

² В. Ф. Горленко, *Нариси з історії української етнографії та російсько-українських етнографічних зв'язків*, Київ, 1964.